

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ С ЕЕ СРЕДОЙ: ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПРОДУКТОВ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА

Е.В. Некрасова

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
nekrasovae@bsu.edu.ru*

Рассматривается возможность использования продуктов литературного творчества в качестве источников психологической информации о жизненном мире человека, транспективный анализ как форма мышления, адекватная постнеклассическому идеалу рациональности, нарратив как особый способ бытия человека и "модель понимания", осмысления текста; представлены результаты транспективного анализа с использованием логики нарратива продуктов литературного творчества, обозначены условия продуктивного взаимодействия с ними психолога-исследователя.

Ключевые слова: постнеклассическая наука, жизненный мир человека, транспективный анализ, текст, нарратив.

Введение

Анализ объективных тенденций развития психологического познания показывает, что эпицентр научных интересов представителей разных школ и направлений постепенно смещается к тому, что С.Л. Рубинштейн в свое время определил как "вита́льная онтология", фактически предсказывая неизбежность такого смещения. В 1992 году О.К. Тихомиров отметил, что перед современными отечественными психологами открылись "два пути": одни из них продолжают заниматься конкретизацией представлений о психике как "отражении реальности", другие – разработкой представлений о психике как "порождении новой реальности".

Как бы подтверждая это заключение, минувшее десятилетие заявило о себе активной разработкой концепций, которые, независимо от их исходной методологии, имеют "общий знаменатель" – фактически все они демонстрируют разные формы движения, но внутри общего русла "второго пути" развития психологической мысли. Так появляются концепции "материализации" представлений об идеальной форме (Б.Д. Эльконин, 1994), "конструирования миров" человеком (А.Г. Асмолов, 1995), становления "субъективной реальности" (В.И. Слободчиков, 1995), формирования "ментального пространства человека" в процессах транскомуникаций (В.И. Кабрин, 1996), порождения "многомерного мира человека" (В.Е. Клочко, 1996), деформации "смыслового пространства личности" в период болезни (Т.В. Рогачева, 2004).

Можно констатировать, что мы сталкиваемся здесь уже не просто с одной из тенденций развития науки, а самым настоящим "парадигмальным сдвигом", который в ней происходит. Сдвигом, который подготовлен всем ходом развития психологического познания, детерминированным постоянно идущим процессом взаимодействия психологической науки с ее средой, сердцевину которой составляет совокупный общественный продукт, обобщенно определяемый понятием "культура". Она содержит в себе достижения отечественной философской мысли, в которой сложилось понимание человека как явления многомерного по своей сущности и безмерного (трансцендентного) по своим масштабам (Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, П.А. Флоренский, М.М. Бахтин, А.А. Ухтомский). В свою очередь, достоянием культуры стали достижения психологической мысли о многомерности человеческого бытия в многомерном мире, представленные в трудах Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Д.Н. Узнадзе, получившие развитие в исследованиях учеников и последователей.

Таким образом, возникает проблема взаимодействия психологической науки с ее средой, которая переходит из разряда философских (эпистемологических) проблем в конкретно-научную проблему, обретая при этом, по мнению А.В. Юревича (2005), статус одной из приоритетных проблем современной психологии. Проблема

заключается в выявлении возможностей такого взаимодействия исследователя с культурой, которое моделировало бы те реальные процессы, которые лежат в основе самоорганизации науки, т.е. происходят сами собой в результате информационного обмена открытой системы (наука) с ее средой (культура). В центре проблема оправданного и целенаправленного "вычерпывания" из культурной среды, окружающей науку, того знания, которое соответствует актуальной поисковой познавательной потребности исследователя, являющегося конкретным представителем науки.

Понимая глобальность этой проблемы, мы ограничили проблемное поле своего исследования следующим образом. В культуре, в частности такой важнейшей ее составляющей, каковой является литературное творчество, зафиксирован громадный опыт того, что происходит с жизненным миром человека на стадиях его становления и различных коллизий (трансформаций, деформаций, распада и т.д.). Пока этот опыт остается закрытым для психологии: как точно заметил Л.С. Выготский, "нарисованную корову нельзя доить". Между тем он остается бесценным для науки, которая стала сензитивной ко всему, что связано с проблемой порождения многомерной человеческой реальности, поскольку в этом открывается новое понимание роли и функции психического ("второй путь"). В логике теории психологических систем жизненный мир человека выступает как динамический системный конструкт, особая психологическая реальность, имеющая совмещенную (субъективно-объективную) природу, в которой конституирует себя пространственно-временная (хронотопическая) развертка бытия человека, понимаемого в качестве открытой системы [14], [16]. Содержание и пространственная конфигурация жизненного мира определяют "образ многомерного мира" (А.Н. Леонтьев), каковым он выступает в сознании человека, но, будучи системным конструктом, жизненный мир содержит в себе и такие "общесистемные сверхчувственные качества" (В.Е. Ключко), для понимания и объяснения которых требуется выход за пределы как "объективных" методов исследования, так и интроспекции. К тому же жизненный мир человека – реальность, которая находится в постоянном развитии, являющемся условием существования психологической системы "человек" как устойчивого явления.

Подход к исследованию

Чтобы вообще поставить задачу решения проблемы взаимодействия науки с ее средой, необходимо, прежде всего, саму науку понять в качестве открытой (и значит самоорганизующейся) системы. Тогда становится возможным использование трансспективного анализа [14], открывающего общую направленность развития науки и позволяющего тем самым, понять современные концепции, исполненные в парадигме "психика как порождение реальности".

Известно, что постнеклассицизм опирается на определенный уровень системного представления изучаемой реальности, делая предметом исследования сложные саморазвивающиеся (самоорганизующиеся) системы (В.С. Степин, 2002). Транспективный анализ представляет собой форму мышления, адекватную постнеклассическому идеалу рациональности. Из него следует, что именно взаимодействие со средой обуславливает прогрессивное движение наук, что не снизу (из опыта самой науки), а сверху, из общекультурного пространства приходят в науку те идеи, которые на некоторое время становятся ведущими. Постнеклассическая наука, подчеркивает В.Е. Ключко [14], предполагает трансспективный анализ, будучи методологически фундирована для понимания своего предмета исследования не как ставшего, и даже не становящегося, а как момент общего движения в ряду закономерно усложняющихся форм системной организации того, что она изучает.

Основная установка трансспективного анализа – это становление, через которое ("в котором") необходимо изучать открытые самоорганизующиеся системы. В качестве источника и двигателя становления в трансспективном анализе рассматривается соответствие, которое приводит к взаимодействию, сопровождающемуся порождением системных качеств – "параметров порядка", определяющих прогрессивную логику системогенеза. Для трансспективного анализа центральной является онтология взаимодействия с ее порождающим эффектом.

Транспективный анализ направлен на выявление тенденции развития, кото-

рая понимается как потенция, обуславливающая процесс развития. Согласно М.К. Мамардашвили, потенция является возможностью, которая обладает одновременно "силой на свое осуществление" [15; с. 151]. "Транспект", будучи аналогом понятия "становление", учитывает направление развития открытой самоорганизующейся (саморазвивающейся) системы как закономерно усложняющейся пространственно-временной организации. Таким образом, транспективный анализ, с одной стороны, является анализом тенденциональным, с другой стороны хронотопическим, учитывающим внутрисистемное со-бытие времени и пространства. Тенденции обозначают наиболее вероятные направления развития в пространстве имеющихся у системы возможностей, соотношенных с возможностями среды. Транспективный взгляд – такой взгляд, благодаря которому каждая точка на пути развития понимается как место сосуществования времен, их взаимопроникновения и взаимоперехода, в котором реализует себя тенденция усложнения системы. С транспективной точки зрения, будущее выступает в качестве того, что про-являет транспективу, а также создается в ней.

Транспективное мышление предполагает определение тенденций по произошедшим изменениям, выявление влияния новообразований на становление системы, детерминирующее ее дальнейшее развитие и упорядочивание. Здесь важно видеть в произошедшем факте механизм и момент самоорганизации, происходящего системного усложнения. Транспективный анализ позволяет вычленить становление, преемственность усложняющихся форм. Его центральная специфическая идея – идея системной детерминации: "новообразования рождаются в настоящем, определяют облик будущего и переопределяют облик прошлого" [14]. Вскрывая "историю осуществляемых ожиданий", осуществляя "анализ не движения, а анализ в движении", исследователь занимает и проводит по отношению к "герою" диалогическую позицию, утверждающую "самостоятельность, внутреннюю свободу, незавершенность и нерешенность героя". Герой при этом для исследователя выступает как "не ОН и не Я, а полноценное Ты, т.е. другое чужое полноправное Я ("ты еси")" [3; с. 258].

Особый интерес для транспективного анализа представляют смыслы и процессы смыслообразования, так как смысл является тем, в чем становление человека заявляет о себе наиболее выражено. В смысле сосуществуют времена (прошлое, настоящее, будущее). Смысл, будучи "больше самого себя" (П.А. Флоренский), объективирует транспективу – общее направление движения системы "человек", которая благодаря особой роли психического (порождение "субъективно искаженной действительности") в ее самоорганизации может рассматриваться как психологическая система.

Транспективный анализ с целью выявления тенденций становления как потенций, формирующихся в движении и в нем же обретающих силу на свое осуществление, предполагает реконструкцию моментов, стадий, пространств, в которых возможность становится действительностью.

Транспективный подход открывает возможность подняться над феноменологией и выйти к онтологии. Транспективная стратегия ориентирует, в каком направлении следует размышлять относительно исследуемого предмета, насыщает мысли о нем определенным отношением, переживанием. Она рассматривается нами в качестве основания ценностного отношения к предмету исследования, привносящего в него (исследование) "избыток видения" (М.М. Бахтин). Гуманитаризация науки состоит в признании того, что "объективная" позиция человека невозможна, она всегда субъективна, так как человек существо мифотворящее. Отсюда: исследовательский подход не может быть объективным. Он может быть только адекватным или неадекватным поставленным целям и задачам.

Объяснение происхождения "собственно человеческого в человеке" на основе транспективного подхода, открывающего возможность научного осмысления жизненного мира человека как меры его жизни и жизнедеятельности, как динамического системного конструкта, особой психологической реальности, имеющей совмещенную (субъективно-объективную) природу, в которой конституирует себя пространственно-временная (хронотопическая) развертка бытия человека, понимаемого в качестве открытой системы, предполагает междисциплинарный взгляд, опору на

философские, культурологические, социологические, этические и др. подходы, дополняющие и опосредующие друг друга.

Представляется возможным осуществление трансспективного анализа продуктов литературного творчества (художественная литература, мемуары и др.) посредством логики нарратива, являющегося “в высокой степени чувствительным к изменчивой и подвижной природе человеческой реальности, поскольку является частью этой реальности”, способного “наделять человеческое существование особой открытостью и пластичностью” [5; с. 39, 41].

Тезис постмодерна: мир есть текст, и нет ничего внешнего тексту. Отсюда следует, что объекты, с которыми человек имеет дело, являются его собственной продукцией, что делает возможным по отношению к ним проявления свободы. Текст – центр работы. Язык создает уникальную речевую конструкцию – вербальный текст как некую модель событий и процессов прошлого. Одна из особенностей познания сегодня (особенно гуманитарного) – исследование (чтение и понимание) текста как смысловой реальности. В постструктурализме, методе анализа текстов, пришедшем на смену структурализму, содержится несколько взаимосвязанных идей, которые необходимо учитывать.

Первое, это интертекстуальность – идея о существовании текста в пространстве других текстов. Создаваемый текст может отсылать “читателя” к тем текстам, о которых в нем даже и формально не упоминается. Все, что автор (исследователь) приобрел (узнал, пережил) до создания своего текста, обязательно, помимо его воли и сознания, входит в конструируемый текст, в его собственное произведение, собственную историю.

Второе – это идея о бесконечной интерпретации текста, сколько читателей (исследователей) – столько интерпретаций. Исследуется текст нарратива (истории) как единственной реальности. Отсюда следует, что текст иногда требует больше интерпретации, чем анализа. Ж. Деррида именно в этой связи употреблял термин *différance* и понятие интертекстуальности [12]. Он утверждал, что тексты могут отличаться от них самих же. Обозначается свобода интерпретации. Считается, что множественность интерпретаций может быть увеличена в связи с объяснительным процессом получения новой информации. Отсюда же невозможность наличия эксперта, критика, конечного интерпретатора.

Третье – обобщающая две названные идеи концепция неотделимости текста от контекста, где контекст понимается как точка отсчета, относительно которой совершается интерпретация событий, действий и т. д. В зависимости от контекста, один и тот же текст (поведение, действие, мысли, слово, теория) может оцениваться по-разному.

Задача интерпретатора в открытии и приумножении смыслов текста. При этом либо реконструируется смысл, вкладываемый в текст его автором, либо создается новый смысл, либо осуществляется одновременно и то и другое. В результате на основе исходного текста, в котором объем смыслов не ограничен, появляется некоторый текст, смысл которого есть результат интерпретационной деятельности исследователя. Здесь можно обозначить, по крайней мере, три взаимосвязанные проблемы: 1) понимание текста как языкового явления и как объективной реальности; 2) соотношение объективной реальности и реальности текста нарратива; 3) соотношение художественной реальности и объективной реальности. Попытаемся обозначить сущность указанных проблем.

С точки зрения системного подхода текст есть система, включающая в себя отношение “текст – образ”, языковую форму текста, соотносящую форму и содержание (план выражения), и отношение “текст – смысл”, смысловое содержание текста (план содержания). План содержания (смысл) текста всегда является определяющим в отношении к плану выражения текста. Текст целостен только тогда, когда в совокупности его знаков есть смысл. План содержания текста как прагматико-семантическая система делает текст осмысленным и наполненным знанием. Здесь и возникает проблема соотношения текста и реальности. Реальность есть обозначаемое, референт. Закономерен вопрос: представляет ли художественный текст жизненную реальность

адекватно? В этом проблема соотношения текста (нарратива) и реальности, истории жизни и самой жизни.

Чтобы ответить на вопрос необходимо выявить специфически нарративные способы осмысления мира и показать нарратив как особый способ существования человека, присущий только ему.

Согласно Ж. Деррида, "нет ничего вне текста". Нарратив как способ интерпретации жизни для постмодерниста не есть простое повествование. Считается, что пределы текста нарратива являются пределами самого человека, его истории. Исследователь шаг за шагом создает картину событий жизни. Он неизбежно дополняет свои впечатления от исследования текста знанием жизни, того, о ком, о чем текст и др. Он необходимо обращается к контекстам: эстетике, литературе, искусству, своему "Я" и др. При этом всегда, естественно, могут быть сомнения, однако объем нарратива допускает неточности в деталях.

В контексте постмодернизма (концепция "ограниченного релятивизма") абсолютно объективное знание недоступно, в исследовании всегда существенную роль имеют индивидуальный опыт, переживания, впечатления исследователя. Считается, что уже заявление о событии само по себе делает это событие жизненным фактом и в целом приближает к достоверному знанию, что исследователь имеет право допустить любую интерпретацию первичного текста, которая может даже исказить его первоначальный смысл. Причины искажения в особой автономной реальности самого первичного текста. Искажение смысла возникает, во-первых, потому, что отношение "текст – реальность" развивается во времени. Знание текста соотносится с личной рефлексией исследователем современности, его ценностной позицией, что, безусловно, влияет на видение текста. Кроме того, исследователь не только "отражает" реальность, он творит другой текст, другую реальность. В результате создается другое отношение: "реальность – текст – реальность". Родившееся отношение содержит проблему соотношения реальности как таковой и ее воплощения в художественной реальности.

Осваивая первичный текст, исследователь постепенно входит в соответствующую языковую реальность, у него формируется релевантная установка восприятия и переживания тех ситуаций и событий, которые погружены в некоторую языковую реальность. При этом сам автор текста находится внутри этой реальности. Читатель-исследователь входит не в мир объективной художественной действительности, интерпретированной в контексте мирозерцания автора, конкретной социокультурной ситуации, а в мир художественной рефлексии, в мир идеального, символического и в этом случае существование референта становится неэффективным, ориентация на него теряет смысл. Рождается нарративный текст, т. е. никогда не равный тексту самой истории и не имеющий определенных значений и границ. Выстраивается такая последовательность: авторская интенция – процесс письма – текст – чтение текста – письмо читателя. Последнее звено чрезвычайно важно, так как без него дискурс в принципе невозможен.

Нарратив как символическая структура соотносится с Метафорой, которая не воображает характеризующие вещи, но определяет направление поисков той цепи образов, которые ассоциируются с этими вещами. Процедура перевода текста в символическую структуру осуществляется определяющей работой того или иного типа мышления. Метафорические заявления превращаются в аргументативные стратегии. Смысл рассказа приобретает в процессе наррации, в акте субъективного усилия. Narratio творит мир вещи в слове и само есть целое. Здесь интенция к поэтизации повествования, к холизму в его построении. Наррация понимается как практика, опыт, конституирующие не только действие, но и осуществляющего его человека. В философии нарратива наррация – этико-практическая проблема само-идентификации и само-коррекции: идентификация человека с самим собой зависит от рассказа, который им выбирается.

В философии нарратива объединяются в одно целое сам субъект, его жизнеповествование, рассказчик этого повествования и его читатель (слушатель). При этом язык нарратива не пассивен, он должен стремиться к тому, чтобы стать подобным

материальной вещи. Проблема репрезентации реальности в нарративе – одна из важнейших проблем.

В аспекте рассмотрения концепта реальности как референта нарративов выделяются два вида заблуждений, сформулированные Й. Брокмейером и Р. Харе [5; с. 36]. Первое: онтологическое заблуждение содержится в уверенности, что существует некоторая реальная история, ждущая своего раскрытия, лишенная аналитической конструкции и существующая до нарративного процесса. Нарратив в этом случае есть ничто иное как металингвистическая иллюзия. Второе: репрезентационное заблуждение состоит в утверждении того, что имеется одна и только одна реальность, с которой согласуются все нарративы, представляющие собой лишь описание этой реальности. Оба заблуждения, по их мнению, исходят из предпосылок, что существует некоторый скрытый уровень додискурсивных смысловых структур, на основании которых происходит разделение нарративов на “верные”, основанные на реальных фактах, и “неверные”, основанные на обмане. Однако, если реальность – факт, на основании которого только и можно судить об истинности нарратива, то, как узнать об этой изначальной реальности, которая не дана нам как таковая, а дана лишь в форме рассказов о ней? Или мы имеем дело с бесконечным множеством рассказов, у которых в качестве референтов выступает такое же количество разнообразных реальностей, или есть одна реальность – гарант некоторой абсолютной истины, но о которой мы не можем ничего знать, обладая только возможностью ее познания через рассказывание о ней. Преодоление проблемы становится возможным, только если трактовать нарративы не как репрезентацию реальности, но как *способ конструирования и создания самой этой реальности*. Реальность создается нами в виде всевозможных историй, когда мы выстраиваем ее по правилам нарратива. Реальность – сам рассказ, он не имеет референта вне себя, он самореферентен и самолегитимен.

В любом нарративе каждое событие значимо, так как отсылает к позднейшим событиям. Исходной единицей нарратива является не отдельное предложение-знак, а целый текст как знаковая система, задающая общую “презумпцию нарративности”, когда любое сообщение о событии – по видимости даже нейтральное – должно читаться как зародыш некоторых дальнейших событий.

Нарратор знает о финале истории, именно поэтому он и может являться рассказчиком. Своим знанием он принципиально отличается от субъекта, “героя” нарратива, который, находясь в центре событий, не знает тенденции их развития, перспектив завершения истории. “Конец повествования” – фактор, задающий последовательности событий семантическую значимость. Лишь завершенная история обретает свой смысл, финал выступает, таким образом, источником ее формы. Знание финала нарратором сообщает, придает рассказу цельность. Процессуальность рассказа разворачивается в контексте фундаментальной детерминированности со стороны финала. Наличие “финала”, изначально известного нарратору, создает своего рода поле тяготения (доминанта), что приводит все элементы текста к одному семантическому фокусу, к одной смысловой точке. В рамках подобной установки будущее как финал нарратива выступает в функционально-семантическом отношении аналогом аттрактора.

Читатель упорядочивает некоторый текст посредством своей деятельности. В результате текст обретает единство не по происхождению, а в своем предназначении. Согласно идее “отсрочки” (Ж. Деррида), становление текстового смысла требует “оставления пространств свободного хода”, диктуемых еще только предстоящей “теоретической артикуляцией”. Будущее текста вмешивается в его настоящее. “Движение означивания” представляется Деррида так, что каждый настоящий “наличный элемент”, с одной стороны содержит, хранит в себе порожденное “прошлым элементом”, с другой стороны, в это же самое время, он уже нарушается, разрушается своим отношением к “элементу будущего”. Таким образом, “элемент”, проявляя себя в настоящем, в равной мере может быть отнесен и к “так называемому прошлому”, и к “так называемому будущему”, которое реально действует в настоящем.

Текст в постмодернизме не рассматривается с точки зрения презентации в нем исходного объективно наличного смысла. Смысл конституируется в процессе наррации как “сказывания” [9]. Текст здесь не предполагает понимания в герменевтиче-

ском смысле этого слова. Нарративная процедура, таким образом, фактически *создает* "реальность", одновременно, аксиоматически утверждая ее относительность и отказываясь от всяких претензий на адекватность как презентацию некой вненарративности реальности. Под феноменом "письмо читателя" имеется виду то, что художественные и нехудожественные произведения понимаются читателем и слушателем не совсем так или совсем не так, как их мыслил автор. Здесь герменевтическая проблема понимания в представлении М. Бахтина. Понимание не как объяснение, а как построение некоторого текста в тексте. Понимание есть одновременно изменение понятия (текста), его экспликация. В этом смысле оно есть "письмо читателя". Важным условием создания этого письма, по сути, другой реальности, является не только определенным образом организованный, артикулированный текст, но активность самого читателя, в любом произведении "вычитывающего" самого себя. В результате читатель, "сливаясь" с произведением, переживает, проживает его и, тем самым, пишет и продолжает текст. Коммуникация, особенно художественная, как обмен смыслами предполагает право читателя предложить и выразить новый (свой) смысл текста. Согласно постструктурализму, усилившему тезис о том, что язык структурирует текст произведения, в тексте говорит не автор, а язык, и, интерпретируя его, читатель создает новый текст.

Постмодерн, относясь к тексту принципиально номиналистично, обретает свободу в процедурах деконструкции и означивания текста, предполагающих произвольность его центрации и семантизации. Считается, что подлинная свобода реализуется посредством нарративных практик в их плюрализме [9]. Задача состоит в том, чтобы позволить себе высказать все, являющееся собственно человеческим. Условием возможности такой свободы является принципиальная открытость как любой наррации (считается, что любой разговор внутренне бесконечен), так и текста, в котором все сказанное всегда обладает истиной и, кроме того, "указывает на уже и еще не сказанное" [9]. Все высказывание становится понятным только тогда, когда несказанное совмещается со сказанным.

Общая для постмодерна установка – "смерть субъекта", конкретнее, "смерть автора". Автор нарратива цитирует, располагается на границе текстов (М. Фуко), умирает, в конце концов (Р. Барт). Текст лишен всякого присутствия своего создателя, он сам себя творит, разрушает и заново воссоздает. Нарратив Автора в процессе чтения сменяется нарративом Читателя, который по-новому центрирует и означивает текст. В результате рождается текст, который вновь может быть децентрирован. Нарратив есть история, которая всегда может быть рассказана по-иному.

Текст, таким образом, самодостаточен. Он отрывается от своего автора и продолжает воздействовать уже вне его. Отсутствие адресанта и адресата принадлежит структуре всего письма, всего языка в целом. По мнению Ж. Деррида, письмо должно быть читаемо и без конца воспроизводимо при абсолютном отсутствии эмпирически определенных адресатов. Это свойство итерабельности (*iter* – «снова», от *itera* – «другой» на санскрите, что может быть прочитано как связь повторения и искажения), структурирующей след письма. Знак письма, являясь следом, уже содержит в себе "силу разрыва" со своим контекстом. Любой текст имеет способность быть читаемым, вновь воспроизводимым в любом контексте. Имеющийся след – многоголосие и неизвестно, кто, что и кому адресует. Согласно Ж. Деррида, текст апокалиптичен с момента, когда становится невозможно определить писавшего (пишущего) и говорившего (говорящего). Ж. Деррида подчеркивает, что апокалиптичность в контексте постмодерна является трансцендентальным условием всего дискурса, всего опыта, каждой метки и каждого следа. Письмо представляет становящееся во время акта письма, не существовавшее до него и то, что не будет существовать после этого акта. В этом изменчивость и непостоянство письма. "Смерть автора" может быть понята как утверждение факта замещения онтологической данности культуры текстом, нарративом: "присвоить текст автору – это значит наделить его окончательным значением, застопорить текст, закончить письмо" [2; с. 389]. Автор уступает свое место тексту, в котором теряются все черты субъективности, однако предоставляется возможность восстановления эффекта его присутствия.

Нарратив создается посредством внесения рассказчиком сюжета, организующего повествование. По оценке Й. Брокмейера и Р. Харре, нарратив выступает не столько описанием некоей онтологически-артикулированной реальности, сколько "инструкцией" по ее конституированию, "конденсированным рядом правил", содержащих в себе то, что является согласованным и успешно действующим в рамках данной культуры [5]. Нарратив есть "модель понимания". Его называют также методом повествовательной идентификации [6], опытом научной фантазии, художественным вживанием [10].

"Карта" конструирования нарратива включает следующие уровни концептуализации: 1. Селекция материала, предназначенного для анализа. 2. Повествование (рассказ). 3. Объяснительная аргументация (наука). 4. Методология [17].

С самого начала уже в подготовительном акте все в работе определяется методологической стратегией исследователя. Исследовательский стиль требует отслеженной "выборочной близости" модусов этики, науки и эстетики.

В качестве оснований связности и логичности могут служить поэтические и лингвистические. Прежде чем оценить материал, выбрать адекватный концептуально-интерпретативный аппарат, необходимо конституировать материал как объект ментального восприятия. Перед тем как материал будет определенным образом интерпретирован, он должен быть, сконструирован, заполнен определенными различными лингвистическими фигурами. Лингвистический протокол наполняется понятиями, которые позволяли бы приводить материал, его элементы к релевантной репрезентации, объяснению и интерпретации. Конструируемые фигуры должны задумываться как поддающиеся классификации по значимости, весу. Трансформация этих фигур, их отношений создаст проблемы, которые далее будут рассматриваться через призму сюжетности, объяснения, методологии. Селекция материала, повествование (рассказ) необходимые элементы психологического исследования.

После отбора материала требуется осуществить их первичную "обработку". Материал следует организовать в повествование (рассказ). Повествование есть выстраивание фактов в пространственно-временном порядке, что представляет собой эмпирический уровень осуществляемой работы. Это сложная работа, опирающаяся на научные знания, а также на особое искусство, тонкую интуицию. С.П. Боткин писал, что в науке всегда "нужно и искусство исследовать, и наблюдать, и анализировать добытые сведения" [цит. 4; с. 164].

Нарратив как вторичный психологический текст есть выстраивание фактов в причинно-следственной зависимости и является теоретическим уровнем исследования. Линейная причинность – доминирующая черта нарративной структуры: события собираются в линейную прогрессию, каждое событие вносит свой вклад в создание возможности для последующих событий. Здесь предполагается раскрытие закономерных связей между различными событиями. В нарративной модели, в идеале, автор сам выбирает элементы и характер связи, то есть конструкцию.

Принципом организации фактического материала в теории должны выступать законы различной степени общности. Здесь необходимы следующие за первыми двумя уровни психологической концептуализации законы, упорядочивающие факты в повествовании. Соединение отселектированных событий из материала в повествование ставит ряд вопросов, на которые, конструируя нарратив, необходимо ответить: "что произойдет дальше?", "почему и как это случилось?", "как осуществится развязка?", "почему это случилось так, а не иначе?". Эти вопросы, детерминирующие тактику нарратива, должны быть дополнены вопросами ("что стало причиной всего?", "что станет результатом всего?"), которые имеют дело со структурой полной цепи событий, понимаемой как завершенная история. Ответы на эти вопросы требуют тщательного рассмотрения отношений между конкретным и другими повествованиями, которые могут быть "спрятаны" в имеющемся тексте. Обнаружены они могут быть посредством сюжетного, объяснительного, методологического исследований. Необходимо читать текст "по краям и между строк, там, где написано все самое главное". В метафорах, примечаниях, неожиданных поворотах в аргументации, "на полях" текста, проявляют себя самые существенные значения.

Принципиально важно в начале при составлении нарратива как “хорошо составленной истории” определить *значимое окончание*, конечную цель рассказа. Любой нарратив как история должен иметь конечную цель, из которой все события этой истории будут иметь свое объяснение: “мы способны реконструировать изначальную подоснову праобраза лишь путем обратного заключения от законченного произведения искусства к его истокам” [21; с. 229]. Далее следует *отбор событий*, имеющих непосредственное отношение к установленной конечной цели (наиболее важные, представляющие ценность). После того, как определена цель и выбраны наиболее значимые события, эти события должны принять *упорядоченный вид*, то есть быть выстроены в линейную последовательность и быть темпорально организованы. Нарратив может быть стабильным (герой сохраняет свою идентичность на протяжении всей истории), прогрессивным и регрессивным. Если изменение характеров имеет место, то необходимо “вплетенное в ткань нарратива” (П. Рикер) *объяснение причин* подобной трансформации. Объяснение обычно связано с последовательностью событий: каждое событие должно представлять собой следствие предыдущего события.

На научном уровне психологической концептуализации строится номологически-дедуктивная модель, принципы комбинации фактов в которой соответствуют квази-законам психологического объяснения. Важно различать объяснение конфигурации событий в нарративе через закономерную психологическую последовательность от объяснения через сюжет. Необходимо различать аналитические операции исследователя и его нарративные действия. Объяснительный аргумент в чистом виде есть аналитические действия исследователя. Нельзя идентифицировать психологическое исследование и художественно-литературное мышление, так как в этом случае исчезает психология как способ познания определенного сегмента объективной реальности. Постулат референциальности требует того, чтобы создаваемый исследователем нарратив был отличим от нарратива литературного. Создаваемый нарратив может содержать в себе фантазию, вымысел, но при этом он должен сохранять необходимую для науки (знания) степень адекватности объективной действительности. Ученому необходимо стремиться создать нарратив, который был бы одновременно результатом исследовательской деятельности (дискурса) и художественного творчества, образного мышления.

Текст не-очевиден, сложен в прочтении. Сказанное требует его “разбивки”, которая предполагает разделение, расчленение, рассредоточение, расположение в пространстве. Согласно Ж. Деррида, через смысловую близость с “промежутком”, “интервалом” устанавливается связь между пространственными и временными значениями: в этом смысле “разбивка” часто выступает как своего рода условие любых операций с пространством, а также со(рас)членения пространства со временем, “становление пространства временем и становление времени пространством”. Разбивка ведет к концентрации внимания читателя-исследователя на конфликтах, двусмысленностях текста, его подтекстах, “затекстах”, так как именно в них проявляется “непрозрачность” текста.

Принципиально значима здесь операция деконструкции. Этот термин предложил Жак Деррида как перевод хайдеггеровского термина “деструкция”. Термин закрепился за Деррида и используется в исследованиях по философии, филологии, искусствознанию. Деконструкция – особая стратегия по отношению к тексту, включающая в себя одновременно и его “деструкцию”, и его реконструкцию. Суть деконструкции состоит, прежде всего, в том, что всякая интерпретация текста, допускающая идею внеположности исследователя по отношению к тексту, признается несостоятельной (Деррида). Исследование ведется в диалоге между исследователем и текстом. Представляется, что не только исследователь влияет на текст, но и текст влияет на исследователя. Исследователь и текст выступают как единая система, своеобразный интертекст, который пускается в особое путешествие по самому себе.

Деконструкция – это разборка концептуальных оппозиций, поиск напряженности между логикой и риторикой, между тем, что текст “хочет сказать”, и тем, что он принужден означать. Текстовые операции, совершаемые автором и читателем, сливаются в незавершенное движение, отсылающее и к самому себе, и к другим текстам.

Вот здесь и необходимо умение читать “затексты”, читать между строк, где написано все самое главное. Необходимо проявить интерес ко всему самому уникальному, к дисконтинуумам и пустотам. Согласно Ж. Деррида, деконструкция не должна ограничиваться учетом горизонтов потенциально настоящего, только усложнением структуры времени, показом только того, что настоящее, которое отошло в прошлое, и настоящее, перекидываемое в будущее, изначально создают, в процессе расчленения этой однородности и этой последовательности, форму живого настоящего.

Деконструкция предполагает выделение и рассмотрение уникальных эпизодов жизни “героя”. Уникальный эпизод – необычный опыт поведенческих или коммуникативных актов, переживаний, мыслей и пр., выбивающийся из общего стиля, логики и смыслов жизни «героя». Уникальный эпизод – “клинически значимый”, “проблемно-насыщенный”. В тексте выделяются маргинальные, подавляемые мотивы, противонаправленные относительно “основной” темы и ее развития. В результате текст становится не мирным гомогенным единством, а пространством репрессии, депривации. Х. Уайт называет деконструкцию способом трансгрессии бытия исторического текста [17]. Цель деконструкции в активизировании внутритекстовых моментов, в которых проявляется сопротивление диктату некоторого “главного смысла”.

Уникальный эпизод связывает прошлое, настоящее и будущее. Уникальный эпизод, по сути, *про-явление* жизненного мира героя, это актуальная транспектива. Опыт уникальных эпизодов – основной ресурс для создания времени, в котором прошлое, настоящее и будущее неоднозначно взаимосвязаны, что всякий раз открывает перед человеком новые возможности (Ж. Деррида. М. Уайт). По существу, выявление и распространение во времени уникальных эпизодов – это и есть метод деконструкции жизненного нарратива.

Обращение к уникальным моментам предоставляет возможность исследователю рассмотреть, как “герой” поведет себя в пространстве открывшихся новых возможностей, пространстве для выбора:

- либо он отнесется к уникальному моменту как возможности продолжения пассивно накапливать факты; либо как к активно творимому, конструируемому сюжету своей жизни;

- либо он поставит под сомнение безысходность, непреложность происходящего, да и всего жизненного пути, жизненного нарратива; либо выйдет к пониманию того, что общепринятый или официально санкционированный смысл той или иной истории – это только одна из возможных интерпретаций.

Обращение к уникальным моментам предоставляет возможность исследователю увидеть, что человека не устраивает, волнует и почему? Как он относится к имеющимся, возникающим проблемам, как их разрешает? Что он считает проблемой?

Люди ориентированы интернализировать доминирующие нарративы культуры, полагая, что они содержат истину об их идентичности, однако, господствующие нарративы, метанарративы, скрывают от людей возможности, которые другие нарративы могли бы им предложить (М. Фуко, М. Уайт и др.). Составляя нарратив, деконструируя текст, анализируя уникальные эпизоды, следует ответить на вопрос, как “герой” относится к господствующим нарративам (метанарративам). Важно понять, какой смысл имеет та или иная история, уникальная ситуация для него. Путей движения в уникальной ситуации может быть много, каждый момент содержит в себе варианты выбора, и путь в целом непредсказуем. Как “герой” относится, трактует, переживает, разрешает уникальную ситуацию:

- делает выборы, живет согласно доминирующим нарративам, не проживая при этом свои собственные, предпочтительные;

- активно участвует в воплощении историй, которые находит бесполезными;

- стремится максимально реализовать открывающиеся возможности, совершая сознательные, ответственные акты, соответствующие своей идентичности, направлен на утверждение персональных ценностей при осуществлении выборов в относительном мире. Стремится открыть и активизировать свои ресурсы в противовес “дефицитарной модели”. Стремится взглянуть на проблемы со стороны, изменить

отношения с ними и взять на себя ответственность за их решение, снижая тем самым чувство вины и повышая эффективность своих усилий;

- уходит от самостоятельных выборов, перекладывая их на других;
- уходит в мир грез, мечты;
- осуществляет привычные, фиксированные способы поведения в уникальных ситуациях (эти способы со временем начинают – открыто или завуалировано – удерживать в рамках возникающих проблем, увеличивая их власть над человеком)?

Следует ответить на вопрос, какой смысл “герой” придает своим выборам. “В” проблему человека может “загнать”, поместить тот смысл, который он придает своей ситуации, своим выборам.

Нарратив – способ выражения субъективности. Определение субъективности в этом случае связано с поиском способов, с помощью которых человек конституирует свое социальное окружение, внутри которого приобретает свою значимость и ценность. Поиск субъективности возможен лишь в социальном пространстве, в направлении определения представленности человека в обществе. Индивидуальное в нарративе, как и в жизни, реализуется в ответах, откликах, интонациях, в которых индивид “сливается” с другими, организуя свое бытие как со-бытие с другим, другими. Субъект принадлежит самой структуре дискурса, чей двойственный характер его и порождает. Посредством нарратива необходимо раскрыть субъективность “героя”, вынося на первый план противоречивость опытов субъективности и денатурируя идею Я, которое, в результате должно стать, как минимум, многогранным. Осуществляются поиски уникального в стремлении избежать заблуждения всеобщим.

Позиция исследователя – позиция “не-знания”. Свое “не-знание” следует постоянно рефлексировать, задавать больше вопросов относительно тех моментов историй, где чувствуешь себя особенно незнающим. Имеющий опыт, знания могут мешать справиться с “ага”-реакцией, псевдопониманием уникальных эпизодов. Поэтому необходимо отказаться от “экспертных фильтров”, необходимо пытаться постоянно прислушиваться “к тому, чего мы не знаем” [19; с. 70].

Нарративный анализ – это анализ плотного причинно-следственного нарратива. Цель в том, чтобы просветить, разрядить нарратив, открыть в нем максимально больше пространства и привести его элементы в движение. Для этого пространство деконструируется, осуществляются поиски в нем несогласованностей, противоречий, создаются новые связи. В конце концов, должно возникнуть разветвленное, открытое, поливариативное богатое описание =нарратив=жизнь.

Создание нарратива предполагает включение в сюжет различных точек зрения, что становится возможным посредством игры с текстом. Для игры, согласно Vander Ven (цит. 13; с. 115), свойственны следующие хаотические характеристики. Игра рекурсивна: она возвращает в самое себя информацию, которую создает, изменяя тем самым природу играющего и эволюционную природу самой игры. Игровая деятельность комбинирует два несоизмеримых элемента, позволяя им функционировать вместе, интегрированно и гармонично. Акт игры преобразует внутреннее чувство неравновесия. В игре сравнительно незначительные явления (проявления) события могут приводить к влиятельным следствиям (простое, случайное предположение, что какой-то объект подходит для некоторого сюжета, может инициировать динамику, которая разрешается в значительном игровом эпизоде). Игра, эволюционируя, самоорганизуется, развивает собственные образцы согласованности. При этом каждый играющий самоорганизуется и создает собственный смысл получаемого опыта. Хаотические характеристики игры открывают возможности смены фокусировки взгляда, открытия новых смыслов. В данном контексте сама теория является игрой. Игра требует от играющего вкуса, стиля, что, в свою очередь, требует больших усилий.

Акцент делается на смыслах. Действие осуществляется в воображаемом поле, в которое включаются различные реальные, и, может быть, сконструированные персонажи. Сюжет проживается, интерпретируется, переинтерпретируется, что добавляет игровых моментов в создание нарратива. Важно соблюсти принцип не-насилия, избежать зашоренности взгляда в интерпретациях. Необходимо постоянно рефлексировать, пытаясь понять, что создаваемые интерпретации значили бы для «героя».

Необходимо выйти к сотрудничеству на равных, к диалогу-соответствию, уйдя от позиции эксперта.

Основные положения постмодернизма позволяют говорить о тождественности деятельности исследователя и творчества художника, о признании того, что человек в своей духовной деятельности создает, творит подлинно человеческую действительность, психологическую, жизненный мир литературного героя, свой жизненный мир. В опыте, запись которого может быть прочитана как роман, зафиксирован становящийся жизненный мир автора текста и его героя. Для того чтобы нечто понять и осмыслить в интерпретируемом тексте, читателю-исследователю необходимо вступить в диалог с ним, расширяя, усложняя при этом свой жизненный мир, создавая свой текст. Произведение искусства, литературы содержит возможность расширения "горизонта" человека (М.К. Мамардашвили), его жизненного мира.

Согласно Ю.М. Лотману, художественный текст предполагает момент творчества. Это со-творчество основано на диалоге между текстом и воспринимающим его человеком. Этому тезису созвучны размышления М.М. Бахтина о сотворчестве (основанном на диалоге), которое образует определённую единую сферу идей структурализма и диалогических концепций культуры. Согласно М.М. Бахтину, диалогические характеристики текста и его подлинная сущность всегда раскрываются "на рубеже двух сознаний двух субъектов". Здесь всегда встреча двух текстов – готового и создаваемого реагирующего, и, следовательно, встреча двух субъектов, которые выступают в роли двух авторов. Подчёркивается, что второе сознание, то есть сознание воспринимающего, никак нельзя нейтрализовать, человеческий же поступок можно понимать как потенциальный текст в диалогическом контексте своего времени. Понятие "встреча" обозначает у М.М. Бахтина, как и у К. Ясперса с С.Л. Франком, обретение личностного знания о неведомом в себе, обретения посредством открытого и безбоязненного духовного и душевного прикосновения к Другому; предъявления себя, собственного существа Другому именно как такового, и открытие Другого для меня самого как такового, и постижение глубины и самоценности этого, пробуждения своего сознания чужим сознанием [2; с. 342]. Встреча, таким образом, есть как бы символ инициации, вводящей в иные, неведомые до сих пор, пространства бытия. Переживание, по М.М. Бахтину, проявляется как вживание в Другого, его страдания и категории, как моя реакция на него (слова утешения и действие помощи) и оформление, завершение страданий Другого [2; с. 25-26]. При этом сопереживание понимается не как "чистое сопереживание", "слияние с другим", а как требование сохранения своего места *вне* другого, сохранения своей, иной для другого, творческой точки зрения, недоступной самому этому другому с его жизненного места [2; 64]. Сопереживаемая жизнь оформляется не в категории "Я", не *суто* во внутреннем плане, где она может определиться, т. к. зачастую именно там, внутри она разрушается, а в плане внешнем, в категории *другого*, как жизнь *другого* человека, переживаемая *вначале* *извне* другим "Ты", а затем *извне* уже другим "Я" [2; с. 74-91].

Создатель нарратива приходит к "идее в себе" через длительный процесс "всматривания" в символ, его "разглядывания". Выход к "идее в себе" не является конечным звеном в цепочке логических рассуждений. Поиск, движение по пути частичных, снимающих себя решений (как "относительных истин") имеет исключительно важное значение для развития сознания, а тем самым и всего жизненного мира человека. Этот поиск – открытие себя. Встреча с "идеей в себе", происходит в процессе "диалога между бесконечными потенциальными возможностями человека и неисчерпаемым семантическим потенциалом символа. <...> И оба партнера этого диалога через взаимное со-бытие двигаются, каждый в направлении завершения своего бытия, конституируя себя истинного" [7; с. 36]. Согласно А.А. Ухтомскому, чтобы увидеть мир и людей такими, каковы они на самом деле, необходимо избавиться от Двойника, заслужить Собеседника, перешагнуть через себя, избавиться от своей доминанты, необходимо безраздельное внимание к другому "Я": "Лишь бы было спасительное недовольство собою, и затем искренность в своих стремлениях" [18; с. 385]. Необходимо поставить доминанту на живое лицо, попытаться всеми силами понять и проникнуть в собеседника. "Все силы, вся энергия и все напряжение, вся «целевая

установка» должны быть направлены на то, чтобы прорвать свои границы и добиться выхода в открытое море – к «ты» [18; с. 388]. Только с *живым символом* может возникнуть диалог-соответствие как на уровне мыслей, представлений, так и на уровне переживания, целостности исследователя. Исследователь в таком диалоге всякий раз находится в поиске единственно возможного в данный момент ответа на вопрос о смысле в этой ситуации. «Значение в момент своего построения является не «обобщением признаков», не «областью» и вообще не чем-либо неподвижным и «объективно» наличествующим, а действием, «поворотом» вещей. Определенным способом видения мира – позицией» [20; с. 79]. Чрезвычайно важна здесь работа переживания [8], в которой переживания трансформируются до их смыслового принятия: «...диалогические отношения с образом способствуют уточнению и развитию переживания, приводят к его трансформации. Эти изменения продолжают до тех пор, пока спонтанно, без каких-либо специальных внутренних усилий, «в едином акте с переживанием» не происходит его смысловое оформление (Б.М. Теплов)» [7; с. 38]. В результате происходит подобное инсайту усмотрение смысла там, где только что его не было. Рождается смысл как ответ на основе переживания целостного себя. Рождение такого смысла в результате выражается в выходе к себе, познании истины о себе, происходит упорядочивание жизненного мира, открываются новые возможности, перспективы. Своими действиями исследователь непрерывно взрывает, изменяет ситуацию, в которой находится и вместе с тем непрерывно выходит «за пределы самого себя», творя свой собственный жизненный мир.

Сказанное позволяет считать нарратив адекватным предмету исследования – «жизненному миру человека», который можно рассматривать как текст, создаваемый в течение всей жизни. При этом исследователь, создавая нарратив, осмысливая смыслы, строит свой собственный жизненный мир, расширяя горизонт видения. Нарратив позволяет исследователю «оживлять» символ посредством выхода к диалогу с ним и самим собой, выхода за пределы самого себя.

Выводы

Транссективный анализ продуктов литературного творчества (художественная литература, дневник матери, мемуары и др.) с использованием логики нарратива позволил представить этапы становления жизненного мира как пространственно-временной организации, как проявление самоорганизации в психологических системах, как условие (механизм) устойчивого бытия человека [16]. В транссективном видении за понятием «жизненный мир человека» стоит история становления «собственно человеческого в человеке», история человека как субъекта своей жизнедеятельности, разворачивающейся в конкретно-историческом времени в многомерном пространстве, представляющим собой часть объективной реальности, которая «субъективно искажена» (Л.С. Выготский) присутствием в ней таких психологических образований, каковыми выступают значения, смыслы и ценности. Полученные результаты позволяют утверждать, что транссектива развития жизненного мира совпадает с процессом суверенизации человека, все более выраженной по мере обретения жизненным миром человека новых системных качеств, в том числе и таких, как смыслы и ценности.

Транссективный анализ продуктов литературного творчества (поэзия, художественная литература, дневники и др.), содержащих информацию о динамике жизненного мира героев произведений (а также их авторов), посредством логики нарратива и деконструкции (как особой стратегии по отношению к тексту, включающей в себя одновременно его деструкцию и реконструкцию) показал, что поступки, деятельность человека обуславливаются открывающимися в актах встречи ретроспективы и перспективы смыслами, возможностями, изменяющимся в результате жизненным миром человека. Установлено, что идентичность в процессе образования жизненного мира человека выступает как процесс в той или иной степени успешного решения жизненно значимых проблем: человек, самоопределяясь, поддерживая и формируя свою идентичность, формирует тем самым и образ жизни, скрепляя и динамизируя его через реконструкцию элементов или достаточно выраженное существенное их изменение. Самотрансценденция как разрешение противоречий, преодо-

ление фиксированных форм поведения – необходимое условие духовности существования.

Совмещая герменевтический, нарративный и собственно психологический подходы, подчиняя их решению проблемы выявления условий и обстоятельств образования уникальных жизненных миров в их динамичных хронотопических характеристиках, было обнаружено, что проблема переживания реальности и действительности для человека есть проблема ценностно-смыслового устройства жизненного мира человека. При распаде психологической системы, коей является человек, сначала “уходит” вершинное – ценности, которые делают предметы, вещи значимыми во все времена. Затем “уходят” смыслы, придающие “ощущение реальности”.

Человеческая жизнь, таким образом, измеряется не длительностью существования человека, а мерностями его многомерного жизненного мира, которые определяют контуры этого мира, его предметно-вещный состав, особенности восприятия и переживания времени – как формы перехода поливариативного будущего в моновариативное прошлое, что, собственно, и фиксирует понятие «транспектива». Выявленные факты позволяют утверждать, что жизненное пространство человека и его субъективное время внутренне связаны между собой, а системообразующую функцию в данном случае выполняют смыслы и ценности.

Обогатить психологическую теорию и фактологию посредством анализа продуктов литературного творчества, ставших достоянием культуры и содержащих в себе информацию о динамике “жизненных миров” литературных героев (в том числе и их авторов), возможно только в том случае, если у психолога-исследователя имеется методологическая, теоретическая и мотивационная готовность к встрече с такой информацией в процессах его взаимодействия с указанными культурными продуктами. Методологическая готовность психолога определяется уровнем усвоения им парадигмы “порождения реальности”. Теоретическая готовность определяется степенью разработанности концептуального контекста, в котором человек предстает как открытая психологической системой, порождающая многомерный жизненный мир как основание, обеспечивающее ему (человеку) осмысленность бытия. Мотивационная готовность предполагает наличие у психолога-исследователя ожидания (предчувствия) встречи с информацией, соответствующей его поисковой познавательной потребности. Таким образом, использование транспективного анализа требует от исследователя обладания определенным уровнем профессионального мышления, определенных особенностей мировидения, выражающихся в способности видеть избирательно, понимать по-особому, мыслить в определенной логике и действовать в соответствии со своим видением и мышлением.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с. 23
2. Бахтин М.М. Герой и позиция автора по отношению к герою в творчестве Достоевского // Психология личности. Тексты. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1986. – С. 250-260.
3. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988. – 304 с.
4. Бройкмейер И., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативы // Вопр. филос. – 2000. – № 3. – С. 29-42.
5. Брунер Дж. Торжество разнообразия: Пиаже и Выготский // Вопр. психол. – 2001. – № 4. – С. 3-13.
6. Буякас Т.М. Проблема и психотехника самоопределения личности. // Вопр. психол. – 2002. – № 2. – С. 28-39.
7. Василюк Ф.Е. Психология переживания. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
8. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
9. Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология: от классической – к постнеклассической картине мира // Вопр. психол. – 2003. – № 1. – С. 99-115
10. Деррида Ж. Эссе об имени. – СПб.: Алетейя, 1998. – 234 с.
11. Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.
12. Жорняк Е.С. Нарративная психотерапия: от дебатов к диалогу // Московский психотерапевтический журнал. – 2001. – № 3. – С. 91-124.

13. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). – Томск: Изд-во Томского университета, 2005. – 189 с.
14. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
15. Некрасова Е.В. Пространственно-временная организация жизненного мира человека. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. – 318 с.
16. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
17. Ухтомский А.А. Письма // Пути в неизвестное. – М., 1973. – С. 371-435.
18. Фридман Джилл, Комбс Джин. Конструирование иных реальностей: истории и рассказы как терапия. – М., 2001.
19. Эльконин Б.Д. Психология развития. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 144 с.
20. Юнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX. Тракаты, статьи, эссе. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С. 214-231.

A PROBLEM OF PSYCHOLOGICAL SCIENCE AND ITS ENVIRONMENT INTERACTION: AN APPROACH TO ANALYSIS OF LITERARY CREATIVITY PRODUCTS

E. V. Nekrasova

*Belgorod State
University*

*e-mail:
nekrasovae@bsu.edu.ru*

Annotation: an amenity of literary creativity products as sources of psychological information about human being's vital world, transpective analysis as a form of thinking adequate to postnonclassical ideal of rationality, narrative as a special way of man existence and "understanding model", text comprehension are considered; results of transpective analysis with narrative logic of literary creativity products are presented; conditions of productive interaction for psychologist-researcher are revealed.

Key words: postnonclassical science, human being's vital world, transpective analysis, text, narrative.